

На правах рукописи

Кирияк Ольга Александровна

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «ВОРОВСТВО»
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ**

Специальность 10.02.19 - теория языка

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Белгород 2009

Работа выполнена на кафедре перевода и межкультурной коммуникации Негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)»

- Научный руководитель** - доктор филологических наук, доцент
Степанов Валентин Николаевич
- Официальные оппоненты** - доктор филологических наук, профессор
Михайлова Елена Николаевна
- кандидат филологических наук, доцент
Бабаян Владимир Николаевич
- Ведущая организация** - **ГОУ ВПО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»**

Защита состоится « 13 » марта 2009 г. в «12» часов на заседании диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в ГОУ ВПО «Белгородский государственный университет» по адресу: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. кор.17, зал диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Белгородский государственный университет».

Автореферат разослан « » февраля 2009г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.Ю. Казак.....

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая работа выполнена в русле сопоставительного изучения лингвокультурных концептов.

Объектом исследования является концепт «воровство», в качестве **предмета** изучения рассматриваются лингвокультурные характеристики данного концепта в русском и английском фольклорном сознании.

Актуальность предпринятого исследования лингвокультурного концепта «воровство» обусловлена следующими моментами:

1) Концепт «воровство», его признаки в англо- и русскоязычных фольклорных текстах и в ассоциативно-вербальной сети современных носителей языков до сих пор не были описаны лингвистами и не являлись объектом специального исследования.

2) В данном исследовании предметом концептуальных наблюдений служит лексема «воровство», поскольку она обозначает одно из тех понятий, которое своим объемным смыслом обобщает опыт людей и нравственное отношение к явлениям, которые выходят за рамки законов жизни. Следует заметить, что в лингвистической литературе еще не было выполнено специального исследования, посвященного концепту «воровство».

3) Исследование специфики концепта «воровство» и смежных с ним концептов в английской и русской лингвокультурах способствует оптимизации и углублению понимания межкультурной коммуникации.

В концептосфере каждого народа есть множество концептов, имеющих яркую национальную специфику. Многие из этих концептов «руководят» восприятием действительности, пониманием происходящих явлений и событий, обуславливают национальные особенности коммуникативного поведения народа. Для правильного понимания мыслей и поведения другого народа выявление и описание содержания таких концептов является исключительно важным [Стернин 2003: 75].

В многочисленных лингвистических работах, изучающих концепты, предлагаются различные подходы к описанию их существенных признаков. Особое место при описании концептов отводится анализу фольклорных текстов, т.к. в них отражается жизненный опыт многих поколений людей, носителей языка. Фольклор является сокровищницей народной мудрости, а также универсальным средством передачи его представлений об окружающем мире и самом человеке. Фольклор - это сложная форма общественного сознания, область духовной культуры народа, которая выражает его мировосприятие. Истоки фольклора уходят в глубокую древность. В фольклоре представлены основные морально-этические ценности народа, то, что принято называть его "корнями" или "душой".

Сопоставительное изучение русских и английских фольклорных текстов позволяет судить о национальной специфике концептов, выявить в них различные или сходные признаки, близость и различие культур.

Целью настоящего исследования является изучение лингвокультурного концепта «воровство», исследование национальной специфики данного концепта на основе комплексного изучения и сопоставления русского и английского фольклора как выражения двух самобытных культур, выявление места и роли концепта «воровство» в контексте фольклорных текстов.

Для реализации вышеизложенной цели в настоящей работе поставлены **следующие конкретные задачи:**

- провести обзор общей теории концепта и дать его рабочее определение;
- описать понятийные характеристики концепта «воровство» в русской и английской лингвокультурах, выявить способы передачи общих инвариантных составляющих концепта «воровство» языковыми средствами в русском и английском языках на материале словарей;
- исследовать концепт «воровство» в русском и английском фольклоре: народные сказки, анекдоты и пословично-поговорный фонд; определить универсальные и специфические способы обозначения и выражения воровства в английском и русском фольклоре;
- выявить персониферу, связанную с концептом «воровство» в ее культурно-обусловленных особенностях на основе русских и английских фольклорных текстов; определить этическую оценку воровства в фольклорных текстах;
- получить представление о функционировании концепта «воровство» из образов сознания и реконструкции индивидуальных лексиконов носителей современного русского и английского языков – провести свободный ассоциативный эксперимент с современными представителями русской и английской этнолингвокультур.

Научная новизна исследования заключается в определении содержания ментального образования «воровство», в выявлении его общих признаков и лингвокультурной специфики в английском и русском языковом фольклорном и современном сознании (различий в детализации и комбинаторике языковой репрезентации этого концепта и в оценочном его компоненте).

Материалом исследования послужила выборка из толковых, синонимических, этимологических, энциклопедических, фразеологических, ассоциативных словарей и тезаурусов, а также корпус пословиц и поговорок русского и английского народов в количестве более 1000 единиц, отобранных путем сплошной выборки из словарей и сборников пословиц английского и русского языка. Тексты английских и русских народных сказок, содержащие признаки концепта «воровство» отобраны из трехтомника “Народных русских сказок” А.Н. Афанасьева и сборников английских народных сказок. В работе также использованы тексты художественной литературы, исторические и публицистические тексты и интернет-источники. В качестве единицы анализа рассматривался текстовый фрагмент, в котором обозначен или выражен исследуемый концепт. В работе также использовались ответы информантов – современных представителей английской (75 человек) и русской (100 человек) этнолингвокультур.

Методика исследования. В соответствии с целью и задачами исследования в работе применялись различные методы анализа: метод контекстуального

анализа при исследовании вербализаторов концепта «воровство» в фольклорных текстах; при исследовании оценочного значения применялся дефиниционный анализ, а также гипотетико-индуктивный и гипотетико-дедуктивный методы; методы сопоставительного, описательного анализа (приемы интерпретации, обобщения и классификации языкового материала); был также использован экспериментальный психолингвистический метод (свободный ассоциативный эксперимент).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что данное исследование вносит определенный вклад в развитие лингвоконцептологии и лингвокультурологии, уточняя один из типов концептов – лингвокультурный концепт.

Данное исследование открывает перспективы для дальнейшего всестороннего изучения не только этого, но и других концептов в русской и английской лингвокультурах, позволяет определить типы существующих концептов, выявить общие и отличительные характеристики русской и английской картин мира, способствуя осмыслению такой актуальной проблемы лингвистики, как взаимоотношение языка и культуры.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов исследования в вузовских курсах языкознания, социо- и психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнопсихологии и межкультурной коммуникации, при разработке отдельных спецкурсов, а также в лексикографической практике.

Теоретической базой данного исследования послужили положения, доказанные в научной литературе.

Язык неразрывно связан с культурой народа; значения языковых единиц отражают специфику национальной картины мира; эта специфика объективно устанавливается при помощи специальных методов лингвокультурного анализа (В. фон Гумбольдт; Л. Вайсгербер; Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров; А. Вежбицкая; Т. В. Евсюкова; Э. Сепир; Т. Н. Снитко; Ю. А. Сорокин; Н.В. Уфимцева).

Основной единицей переживаемой информации в индивидуальном и коллективном сознании является концепт – сложное ментальное образование, которое может находить выражение в языке (Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, А.Вежбицкая, С.Г. Воркачев, А.А. Залевская, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, С.Е. Никитина, З.Д. Попова, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина, С.И. Драчева, В.В. Колесов, О.В. Бычихина, А.Г. Хроленко, В.В. Воробьева, Н.Н. Болдырев и др.).

Единицей лингвокультуры является культурный концепт, имеющий языковое выражение; совокупность культурных концептов образует концептосферу; существуют особые тексты, в которых эксплицитно выражены наиболее значимые для лингвокультуры концепты (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Д.С. Лихачев, В.П. Нерознак, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин и др.).

Языковые средства выражения культурных концептов образуют систему, построенную по принципу поля, в котором выделяются относительно четкое ядро и размытая периферия (А.В. Бондаренко, В.Г. Гак и др.).

Этнокультурная специфика концептов состоит не столько в наличии уникальных смысловых образований, сколько в большей или меньшей значимости

определенных признаков в составе концептов и специфической комбинаторике этих признаков (Е.В. Бабаева, В.В. Красных, В.П. Нерознак, В.М. Савицкий).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Национальная специфика концепта наиболее ярко выражена в фольклорных текстах, прежде всего в народных сказках, пословицах и поговорках, где, как правило, выражаются общепринятые нормы поведения как концентрированный коллективный опыт.
2. Понятийные характеристики концепта «воровство» имеют много общего в английском и русском языках, совпадая по признаку «*похищение чужого*». Признаковый состав основного содержания концепта «воровство», зафиксированного в словарных дефинициях, во многом совпадает в английском и русском языках, и в то же время обнаруживает определенные различия.
3. Исследование концепта «воровство» в сказочной картине мира русских и англичан свидетельствует о больших расхождениях в восприятии и оценке этого явления разными народами.
4. Концепт «воровство» в *английском сказочном сознании* ассоциативно тесно связан с концептами, «*curiosity*», «*privacy*», в русском же сознании концептуальной основой воровства часто становятся такие характерные для русского менталитета смежные концепты, как: «удаль», «сила», «ловкость», «воля», «остроумие», «шутка», «мастерство» и др.
5. Английскому *наивному сознанию* не свойственно позитивное отношение к воровству в принципе. Русские же *паремии* констатируют соединение и переплетение неприятия и оправдания воровства, считают воровство неизбежным элементом человеческого характера, а само воровство вполне допустимым в определенных обстоятельствах.
6. В *современном английском языковом сознании*, как показывает ассоциативный эксперимент, исследуемый концепт четко определен, понятийно детерминирован, регламентирован и систематизирован. Англоязычная специфика понимания воровства состоит в полном его неприятии, в четко выраженной идее преступности этого явления и ассоциативном перенесении его на другие народы. Образы русского сознания, имея обширную зону аналоговых совпадений с английскими, тем не менее, существенно отличаются. В современном русском языковом сознании концепт «воровство» гораздо шире, чем в английском, вследствие чего имеет менее четкие очертания.

Достоверность полученных результатов и **обоснованность** выводов обеспечивается комплексной методикой анализа, а также репрезентативным объемом исследованного материала, составляющим около 28000 страниц.

Апробация результатов исследования осуществлялась на заседаниях кафедры перевода и межкультурной коммуникации МУБиНТ. Основные положения диссертационного исследования были доложены на научных конференциях «Молодая наука – 2008» (Ярославль; МУБиНТ); «Чтения Ушинского» (Ярославль; ЯГПУ имени К.Д. Ушинского, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008г.); Второй, Третьей и Четвертой Международных научно-практических конференциях «Человек в информационном пространстве» (Ярославль – Воронеж, 2003, 2004, 2005 г.); XV Международном симпозиуме по психолингвистике и теории ком-

муникации «Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности» (Москва; Институт Языкознания РАН, 2006); XI Международной научно-методической конференции «Риторика и культура речи в современном информационном обществе» (Ярославль; ЯГПУ имени К. Д. Ушинского, 2007); Первой и Второй Международной научно-практической конференции «Россия в период трансформации» (Ярославль; МУБиНТ, 2007, 2008). Содержание работы отражено в 14 публикациях.

Объем и структура работы. Диссертационное исследование представлено на 230 страницах машинописного текста и состоит из введения, трех глав и заключения. К работе прилагается список использованной литературы, словарей и справочников, включающий 130 наименований и список источников исследования, насчитывающий 30 наименований.

Во введении обосновываются актуальность и научная новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость, определяются цель и задачи диссертации, дана общая характеристика материалов и источников исследования, указаны методы и приемы анализа.

Первая глава «Теория концепта и фольклорный текст как средство выражения концепта» включает в себя два параграфа и определяет теоретическую базу исследования.

В первом параграфе проводится обзор общей теории концепта, рассматриваются классификации направлений и дифференциальных подходов к пониманию категории концепта, описывается структура концепта, изучаются различные подходы исследователей к определению концепта в когнитивной и лингвокультурной лингвистике, анализируется концептосфера и менталитет, исследуются особенности терминологии по исследуемой проблеме.

Во втором параграфе рассматривается фольклорный дискурс на основе народных сказок, пословиц и поговорок, также проводится обоснование изучения национальной специфики концептов в фольклорном дискурсе.

Во второй главе «Концепт «воровство» как репрезентация социально-культурной картины мира и понятийные характеристики концепта «воровство» в русском и английском языках» исследуется глобальная проблема воровства в общечеловеческом культурно-историческом аспекте, определяются понятийные характеристики концепта «воровство» в русском и английском языках на основе толковых, этимологических, энциклопедических, ассоциативных словарей и тезаурусов, а также текстов законодательных документов.

Третья глава «Концепт «воровство» в русской и английской фольклорной картине мира» включает в себя четыре параграфа. В первых трех параграфах, соответственно, описывается лингвокультурный концепт «воровство» в текстах русских и английских народных сказок, в пословично-поговорном фонде и в анекдотах как современных произведениях фольклорного жанра. В каждом жанре фольклора выделяется и описывается характеристика национальной специфики концепта «воровство». В четвертом параграфе отражены результаты экспериментального изучения языковой семантики концепта «воровство» в языковом сознании современных представителей русской и английской этнолингвокультур на основе психолингвистического ассоциативного эксперимента

и выводится национальная специфика функционирования концепта «воровство» в современном русском и английском языковом сознании.

В заключении делаются выводы и подводятся итоги всего исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Концепты как многомерные смысловые образования в коллективном сознании являются основной категорией и важнейшим объектом исследования когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Существующие в современной лингвистике подходы к изучению концептов как сложных ментальных образований в самом общем плане сводятся к двум основным пониманиям концепта – лингвокогнитивному и лингвокультурному. При лингвокультурном подходе делается акцент на концепте как уже сложившемся ментальном образовании, как части всей концептосферы, как фрагменте картины мира.

Лингвокультурный концепт «воровство» представляет собой сложное ментальное образование, имеющее образный, понятийный и ценностный компоненты. Данный культурный концепт в языковом сознании представлен как многомерная сеть значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, прецедентными текстами и, следовательно, в основе подхода к изучению данного концепта лежит интегративная модель – сочетание методов контекстуального анализа в условиях контекста фольклорных текстов, исследование словарных дефиниций, данных ассоциативных экспериментов и ассоциативных словарей, проведение контрастивных описаний, опрос информантов.

В ходе анализа русско-английских и англо-русских переводных словарей было определено, что эквивалентным русской лексеме «воровство» является синонимический ряд, состоящий из трех лексем: **stealing, theft, larceny**. Проанализировав толкования понятия «larceny», можно отметить, что его широкое значение со временем значительно сузилось и существует тенденция к его отмиранию в британском варианте английского языка, в отличие от широкого применения в американском английском.

Для выявления понятийных характеристик концепта «воровство» в английском и русском языке нами были исследованы словарные дефиниции, толкующие данный концепт в англо и русскоязычных словарях и тексты законодательных документов.

По итогам проведенного анализа можно констатировать, что в английском языке понятие «theft» включает в себя и «larceny» и «stealing» (а так же по законодательству еще 8 составляющих, которые, за исключением «trespass» и «criminal conversion» примерно соответствуют аналогичным русским понятиям). Кроме того, наиболее соответствующим по емкости содержания русскому понятию «воровство» можно считать «theft». Но при этом следует отметить, что в английском языке понятие «theft» гораздо более широкое: оно включает до-

полнительно такие составляющие (не входящие в русское понятие “воровство”), как:

- 1) “**trespass**” - незаконное (без разрешения собственника) вторжение на чужую территорию даже без цели завладения чужим имуществом;
- 2) “**criminal conversion**” - присвоение, обращение чужого имущества в свою пользу, включающее такие незначительные для русского сознания случаи, когда человек берет что-либо в аренду и несколько задерживается с возвратом, либо что-то находит (включая животных) и не объявляет о находке, оставляя ее себе;
- 3) “**intrusion**” - вторжение на чужую территорию, чаще с целью воровства или грабежа, но и без данной цели, является составной частью широкого понятия “воровство”.

Толкования синонимов и тематически близкие слова в тезаурусах уточняют семантику английского концепта “воровство”. Сравнение признаков, соотносимых с концептом «воровство» в синонимических словарях английского и русского языков, показывает, что эти признаки в значительной мере совпадают, однако существуют определенные различия, которые затрагивают оценочное своеобразие сопоставляемых картин мира. Так, например, все синонимы, вербализующие данный концепт в английском языке, отличаются отрицательной оценочной коннотацией и выражают нарушение общечеловеческих и юридических норм, т.е. в английских словарях прослеживается более детализированная смысловая линейка понятий, в русских же словарях это ярко не выражено (то есть не наблюдается такой же четкости выражения значений, как в английских): *вор* в русском языке - одновременно и мошенник, и авантюрист, но при этом всегда – человек необычный, хитрый, ловкий. В русских говорах до сих пор *воровой* значит «*быстрый, про-вор-ный, удалой*» [Колесов 2004: 161]. (Ср.: «*Не то, что умней, а вороватее*» (А. Островский).

Понятийные характеристики концепта «воровство» имеют много общего в английском и русском языках и совпадают по признаку «*похищение чужого*».

Признаковый состав основного содержания концепта «воровство», зафиксированного в словарных дефинициях, почти полностью совпадает в английском и русском языках, но в то же время обнаруживает определенные различия. Основные различия состоят в следующем: в английских дефинициях четко выражена идея преступности этого явления (*without the owner's permission; without person's freely given consent; without permission or welcome* - без разрешения, без добровольно выраженного согласия, без наличия на это права, без приглашения); в русском же языке это не находит такого же яркого выражения, но четче выражен признак воровства как тихого, тайного, скрытого, незаметного действия (*брать тайно, тихо, скрытно; действует незаметно для потерпевшего*). (Ср.: «О глубокой древности говорит такое распределение слов: *крадут* – это действие, связанное с тем, что *скрывают*, «*кроют*», создавая *со-кровища*; *тать* – это тот, кто действует *тайно, таится*, также скрываясь и боясь огласки. *Тать крадет* буквально значит: *тайно скрывает, тайно скрывается, тайно укрывает*» [Колесов 2004: 157].

В английских дефинициях детально представлены такие признаки концепта, как *trespass* и *intrusion* (нарушение территориальных прав и индивидуальных прав –

privacy), не имеющие аналогов в русском языке. Можно сказать, что англичане концептуализировали идею воровства как «любое нарушение *privacy*».

Национальная специфика концепта наиболее ярко выражена в фольклорных текстах, прежде всего в народных сказках, пословицах и поговорках, где, как правило, выражаются общепринятые нормы поведения как концентрированный коллективный опыт.

На основе проведенного анализа можно констатировать, что отражение исследуемого концепта в русской и английской сказочной картинах мира не только имеет отличия в сравниваемых концептуальных фрагментах, но и различается принципиально. Так, в русской сказке случаев воровства множество, в английской же сказке ситуации воровства упоминаются редко. В русской сказке воруют как положительные, так и отрицательные персонажи, в английской – в основном отрицательные. В русской сказке не акцентируется негативная оценка отрицательного персонажа в связи с совершением воровства. В английской же народной сказке негативная оценка воруемого персонажа не только акцентируется, но и является многоаспектной. Она обычно сопрягается с подчеркиванием морально-этических качеств, отталкивающих особенностей внешности, привычек и поведения.

В английском сказочном фольклоре воровство всегда детерминировано именно как воровство, независимо от образа персонажа, совершающего его; в русском же фольклоре воровство положительного героя не только никогда не осуждается, но чаще вообще не осознается читателем, не воспринимается и не ассоциируется с воровством.

В английских сказках воровство «скучно», «однообразно», практически всегда влечет за собой наказание. В русских сказках воровство многовариантно. Излюбленным в русских народных сказках является похищение главным положительным героем волшебных предметов посредством хитрости. Подобное похищение практически не ассоциируется в русском сказочном сознании с воровством, а подразумевает любование хитростью и смекалкой героя. Классический вариант в сказках таков: три спорщика просят героя помочь поделить волшебные предметы. Герой, отвлекая их хитроумными заданиями, забирает волшебные предметы себе.

«Да, вещи хорошие! – думает Иван. – Пожалуй пригодились бы и мне...» (185).

«Иван купеческий сын натянул свой тугой лук, наложил три стрелочки и пустил в разные стороны; одному старику велит направо бежать, другому – налево, а третьего посылает прямо. Старики побежали за стрелками; а Иван купеческий сын забрал шапку-невидимку, ковер-самолет и сапоги-скороходы и вернулся к своим товарищам» (240).

Обычно в подобных случаях осуждается не воровство хитростью, а глупость обворованных:

«А вот как: кто прежде всех влезет на дуб – тому все и отдать!» Те сдуру и согласились, бросились на дерево; только что на дуб влезли, батрак надел сапоги-самоходы, сел на ковер-самолет, взял с собой ска-

терть-самобранку...» (192). (Ср. рус. поговорку: Кто украл, у того один грех, а у кого украли, у того десять).

Подобные способы воровства являются лакунарными в английской сказке.

Положительную коннотативную оценку в русских сказках имеет хищение, совершенное силой и ловкостью. Обычно такое воровство, когда его совершают положительные герои, превращается в причудливое действие, богатое разнообразными превращениями и ухищрениями.

«...высочил Иван крестьянский сын, ухватил ее в охапку, зажал ей рот... в тот же миг обернулся старик сизокрылым орлом, взвился с королевой и добрым молодцем высоко-высоко...» (185).

В народном сознании такое хищение не требует оправданий и, тем более, наказаний. В английском сказочном фольклоре данная параллель отсутствует.

«Женское» же воровство при помощи обмана и хитрости, когда красавицы, «угощая», «умасливая», «обласкивая» и «целуя-милая», похищают волшебные предметы у мужчин, всегда воспринимается негативно и требует заслуженной кары.

«...царевна начала его ласкать да умасливать – ну и умаслила! Как только он заснул, царевна схватила скатерть-самобранку, села на ковер-самолет, да и была такова!» (192),

«Прикинулась такой лисою, что и на поди! ...давай его целовать-миловать, ласковыми словами прельщать, и таки умаслила... Только заснул он крепким сном, королева хватъ его за руку, сняла с мизинного пальца колечко...» (191).

В английском сказочном фольклоре подобные сюжеты не выявлены.

Воровство, совершенное при помощи обмана и угрозы, также осознается в русских сказках как негативное, требующее наказания.

Переоделся поп чертом и угрозой отнял золото: «От меня хоть молись, хоть крестись, не избавишься: отдай-ка лучше мне котелок с деньгами; не то я с тобой разделаюсь!» (258).

В английских сказках такая форма воровства не обнаружена.

Специфически русским является в народных сказках воровство, совершенное мимоходом: «долго не думал» «взял да и украл», или даже «не украл, а просто взял».

«Ходил, ходил старик по небу, увидал: сидит кочеток золотой гребенек, масляна головка, и стоят жерновцы. Вот старик-от долго не думал, захватил с собою и кочетка и жерновцы и спустился в избу» (188),

«... умерла царевна, а у ней на руке было золотое колечко; ему, доброму молодцу, очень хочется снять с руки это колечко. Вот он ... подошел к ней, снял с руки колечко и пошел к своей матери; никто его не сдержал» (190).

В английском сказочном сознании концепт «воровство» часто ярко конкретизирует признак нарушения приватности и ассоциативно тесно связан не только с концептом «*property*», но и с «*privacy*». Вмешательство в чужие дела, в зону *privacy* в английских сказках обычно равнозначно воровству. Ученик чародея из сказки “The Master and His Pupil” («Учитель и его ученик») из любо-

пытства прокрался в покои учителя (покушение на личное пространство индивида) и тайно пользовался его вещами (покушение на частное имущество), за что понес серьезное наказание. Заглядывание в чужие окна также ассоциируется в английском сказочном сознании с воровством (в одноименной сказке дракон из Лайминстера - *The Knucker of Lyminster* скот таскает и в чужие окна заглядывает) и располагается на оценочной шкале рядом с воровством.

So what with that, and him swimming in the river otherwhile and sticking his ugly face up agin the winders in Shipyard when people was sitting having their tea ... - И вот за все это (за воровство – О.К.), а также за то, что он еще и плавал по реке и совал свою мерзкую морду в окна, когда люди сиделись пить чай ...

Таким образом, вмешательство в чужие дела, вторжение в зону «privacy», нарушение личной территории тесно переплетается в английских сказках с воровством и также является серьезно порицаемым и наказуемым.

'The ointment! The ointment!' cried the old pixy thief. 'Take meddling with what don't concern you:...' - Мазь! Мазь! – вскричал старый бес-ворюга. – Получай же за то, что суешься не в свои дела / трогаешь чужие вещи!

(Глагол *meddle* имеет преимущественно негативные значения: *интересоваться чем-л.; вмешиваться; трогать чужие вещи*).

В русском же сказочном сознании, напротив, данная концептуальная связь не только является лакунарной, но стереотипной является любовь и постоянная привычка положительного героя в русской народной сказке угощаться в чужих жилищах без спроса и позволения, а часто заодно и пользоваться какими-либо чужими вещами. В данном случае концепт «воровство» тесно переплетается с рассмотренным В.И. Карасиком, лакунарным для английского, но характерным для русского менталитета, аксиологическим концептом «халява» [Карасик 2002:199-200]. Многочисленные примеры свидетельствуют о большой распространенности подобных моментов в сказочных текстах.

«Вошли братья в избушку – там нет ни души. «А ну-ка, брат, - говорит Никита, - пощупай-ка в печке: нет ли еды какой?» Тимофей влез в печку, вытащил оттуда всяких кушаньев, поставили на стол, и начали они оба уписывать. С голоду все начисто приели. После того стал Никита избушку оглядывать; увидел на окошке небольшой свисток, взял его, приложил к губам и давай насвистывать...» (199),

«Зашел в этот дом, в доме стоит стол, на столе всякого кушанья и питья довольно. Мартышка сел, напился-наелся, заглянул в ящик, взял однозолотные карты и кошелек с деньгами, положил себе в карман...» (193).

Самовольное угощение в чужом доме в народном сказочном сознании никогда не ассоциируется с воровством.

В «воровских» русских сказках ловкость, изобретательность и чудесное мастерство сказочного вора вызывают не просто симпатию, но и восхищение, т.к. герой обходит любые препоны, проявляет незаурядную хитрость, остроумие, является настоящим художником воровского искусства, и его мастерство имеет развлекательно декоративный характер и вызывает чисто эстетический

интерес.

«Стал Климка кормить отца и мать своим мастерством. Что ни увидит - станут ли бабы сорочки сушить, станут ли холсты белить – он все к рукам приберет». «Так востер, так хитер, что, кажись, из-под птицы яйца выкрадет!» (386),

«Такой-де вор проявился, что берегись – не убережешься, сторожись – не устережешься; захочет – среди белого дня разденет до нитки!» (389)

Более того, часто для русского носителя фольклорной картины мира воры предстают благородными людьми, восстанавливающими справедливость.

Наум, Антон и Влас пошли воровать. Держат такой совет: «Куда ж нам воровать идти? Если к попу – у попа деньги трудные, если к купцу – у купца тоже самое; пойдете-ка к судье, у судьи деньги нетрудные» (388);

«Эх, ты! Вдова – бедный человек, у нее все трудовое; пойдём лучше к богатому генералу». – «И то дело!» (386).

В английских же нетипичных «воровских» сказках посредством воровства также восстанавливается справедливость, но такие сказки зачастую сводятся к детальному обоснованию и оправданию причин воровства главного положительного героя.

‘You must get into the castle, and if possible possess yourself of a hen that lays golden eggs, and a harp that talks. Remember, all the giant possesses is really yours’. – “Ты должен попасть в замок и завладеть курицей, что несет золотые яйца и говорящей арфой. Помни, все имущество великана на самом деле принадлежит тебе”.

Таким образом, можно заключить, что в русской сказке наблюдается двойственное отношение к воровству. С одной стороны, воровство оценивается как зло, о чем наглядно свидетельствуют примеры воровства, совершенного отрицательными персонажами. С другой стороны, часто наблюдается симпатия по отношению к образу вора, проявляющаяся в представлении этого образа как ловкого и удалого мастера своего дела. В связи с тем, что толкование воровства как добра противоречит здравому смыслу и законам общественной морали, концептуальной основой воровства часто становятся такие характерные для русского менталитета смежные концепты, как «удаль», «сила», «ловкость», «воля», «остроумие», «шутка», «мастерство» и др. В английской же фольклорной картине мира это не находит своего проявления. В английской сказке воровство случается редко, чаще его совершает отрицательный герой, который за это, как правило, жестоко наказан. Воровство положительного героя чаще мелкое, несерьезное и всегда мотивировано. Отношение к воровству в английских сказках резко негативное.

Итак, в русском фольклорном сознании проявляется весьма широкая амплитуда по отношению к воровству – от неприятия воровства, совершенного негативным персонажем, до философской гармонии и одобрения по отношению к воровству положительного. В английской же фольклорной картине мира воровство не только оценивается отрицательно, но и никакие подобные модели поведения не одобряются.

Концепт «воровство» обладает ценностными характеристиками, которые можно установить, обратившись к анализу выраженных в языке оценочных суждений по поводу данного концепта. Они выражаются в паремиологическом фонде – пословицах и поговорках, которые являются одним из предметов изучения лингвокультурологии.

Отношение к воровству **в русском паремиологическом фонде** отличается оценочной амбивалентностью: в пословицах сталкиваются две противоположные позиции: с одной стороны, воровство оценивается крайне отрицательно, данные модели поведения не одобряются и осуждаются, но, с другой стороны, воровство признается необходимостью, является признаком силы, ловкости:

Красота – прах, а воровство – ремесло.

В ряде случаев, не украсть – подвергнуться насмешкам:

Плохо лежит, у вора брюхо болит; Мимо пройти, дураком прослыть.

В русской паремиологии концепт «воровство» отражается как один из видов ремесла. Как уже было отмечено, воровство не имеет однозначной негативной оценки в русском языковом сознании. С одной стороны, данное «ремесло» осмысливается в фольклорных изречениях как источник добывания средств к безбедному существованию, приравнивается к любому другому труду:

У кого воровство, у того и ремесло.

С другой стороны, такое добывание средств не вызывает одобрения добропорядочных членов общества:

Воровство – последнее ремесло.

Многочисленные русские паремиологические речения свидетельствуют о большой распространенности воровства.

Что ни двор, то вор. Вор на воре, вором погоняет.

Это является общей проблемой:

Вор ворует, а мир горюет. Один вор – всему миру разоренье

Люди всегда должны иметь в виду этот постоянно существующий опасный фактор:

Не всегда вор крадет, а всегда берегись.

Не всегда вор приходит, но всегда его ждут.

Постоянной характеристикой воровства является его фатализм.

Кошка мышей ловить не устанет, а вор воровать не перестанет.

Домашнего вора не убережешься. Вор да мор до веку не переведутся

В русском культурном фонде существует огромное количество паремий, подчеркивающих установку на недопустимость завладения чужим:

Лучше по миру собирать, чем чужое брать.

Лучше свое отдать, чем чужое отнять.

В некоторых пословицах воровство рассматривается как патология человеческой личности:

Вор и сытый, и обутый, и одетый украдет.

Дай вору хоть золотую гору – воровать не перестанет.

Воровству в русских пословицах противопоставляется честность несмотря на бедность:

Гол, да не вор, беден, да честен.

Констатируется неприемлемость воровства для честного человека

Лучше горевать, чем воровать.

Различные характеристики воровства раскрывают осознание бесполезности совершения таких действий и неизбежности неблагоприятного исхода событий.

Украсть – в беду попасть. Красть вольно, да бьют больно.

Сколько вору ни воровать, а расплаты не миновать.

Воровство связано с неизбежными угрызениями совести:

От соседа уйдешь, от совести не уйдешь.

Краденое порося в ушах визжит.

и со страхом:

Вор что заяц: и тени своей боится.

Русские пословицы учат тому, что плохо не только воровать, но и потакать этому.

Не тот вор, что сам ворует, а тот, кто ворами потакает.

Что самому воровать, что вору стремянки держать – все одно.

Но, с другой стороны, народное сознание не приемлет доносительство:

Доносчику первый кнут.

Отношение к вору, соответственно, в некоторых паремиях негативное:

Вора помиловать – доброго погубить.

Хотя с другой стороны, часто в русском фольклоре вор – фигура популярная, колоритная и любимая народом. Многие русские паремии, как и сказки, изображают его с явной симпатией:

Молодцы, удалцы, ночные дельцы.

Знатного купца, карманной слободы тяглеца, серебряных и золотых дел волочильщика.

Вышеуказанные паремии являются безэквивалентными и могут быть названы абсолютными лингвокультурными лакунами.

Русскому национальному сознанию свойственно даже некое бахвальство, любовование собственными ворами:

Нет воров супротив Романов, нет пьяниц супротив Иванов.

Я ли не молодец? У меня ли дети не воры?

В паремиях подчеркивается связь воровства с умением и ловкостью:

Воровать – не блины продавать.

Крепки запоры, да ловки и воры.

Русскому вору во многих фольклорных источниках свойственны такие характерные черты русского национального характера как удаль, безрассудство, бесшабашность:

Молодцы, удалцы, ночные дельцы.

Удалому все трын-трава.

Специфически русской ассоциацией в связи с воровством, как в народных сказках, так и в паремиях является воля:

Ой-ой, гуляю – грош меняю, алтын сдачи беру.

В русской паремиологии популярен злорадный социальный юмор:

Богатому не спится: богатый вора боится.

Воровство считается неким возмездием, восстановлением справедливости. В русском сознании существует парадоксальное пренебрежительное отношение к человеку, ставшему жертвой одурачивания, нечестных действий со стороны вора. Большое неодобрение в русских поговорках вызывают «простофили», которым приписываются негативные признаки (надо не разевать рот, а следить за своим добром):

Не украл, а глупого наставил.

Кто взял, на том один грех; кто потерял, на том сто.

Или современное речение:

Без лоха и жизнь плоха.

В русской паремиологии вор часто осуждается не за то, что украл, а за то, что плохо спрятал:

Умей воровать, умей и концы хоронить.

В корпусе примеров наглядно показано, что вместо однозначного, четкого и жесткого «украсть» в русских поговорках часто употребляется разнообразная нейтральная лексика: *взять, увести, унести, искать, найти, зачитать, засобить, глупого наставить.*

Вздумали думу худую, увели корову чужую.

Пришли да взяли, так поминай как звали!

Унести на ножницах (украсть, о портном).

Не говоря худого слова – положил за пазуху, да и ушел.

Не украл, а без спросу взял.

Взял не для кражи, для тайной продаж.

К ногтю прибрал, а не украл.

Вор не положила ищет. Воришка не положила ищет.

Не украл, а нашел – в чужой клет.

Зачитать книгу. Засобить должок.

Будто не все одно, что украл, что так унес.

Солдат не крадет, а под полою, случается, унесет.

Что взято с чужого двора да внесено в свои ворота, так уж будто и украдено?

Не крал, не воровал, а пришел да взял.

Русские поговорки о ворах имеют свою специфику: только в русском фольклорном фонде многочисленные пословицы о ворах обрастают затейливым языком, образностью и фокусами речи, содержат разнообразные языковые репрезентации.

Лясы точит да людей морочит. Обули Филю в чертовы лапти.

Ой-ой, гуляю – грош меняю, алтын сдачи беру.

Он кузнец – что по чужим дворам кует. У него руки долги.

У него руки с ящичком. Он на руку нечист.

В русской паремиологии исследуемый концепт получает следующую интерпретацию. Он не имеет четко обозначенных границ – выявлена широкая амплитуда отражения исследуемого концепта в сознании русского человека: от

полного неприятия и осуждения до оправдания, любования и бахвальства. С одной стороны, воровство недопустимо, неприемлемо, является патологией человеческой личности, связано со страхом, с неизбежными угрызениями совести, противопоставляется честности, влечет за собой неизбежность наказания и неблагоприятного исхода. С другой стороны, воровство свойственно природе человека, сопряжено с индикацией социального неравенства, иногда считается возмездием и является восстановлением справедливости, в народном сознании связано с ремеслом, ловкостью, умением; имеет такие свойственные русскому национальному характеру черты как *удаль, безрассудство, бесшабашность*; ассоциируется с *волей*.

В английских пословицах, не имеющих русского эквивалента, можно выделить некоторые национально-специфические признаки исследуемого концепта. Например, элементы рационализма, практичности и наблюдательности, свойственные сознанию англичанина, выражает следующая пословица:

When thieves (rogues) fall out, honest men come by their own. - *Когда воры в ссоре, у честных людей карманы целы.*

В сознании англичанина порок воровства сопряжен с неправильным, недостаточным воспитанием.

He gangs early to steal, that cannot say No. - *Начинает рано воровать тот, кто не может сказать «нет».*

Именно поэтому делается акцент на ответственность родителей.

He that brings up his son to nothing, breeds a thief. – *Тот, кто ничему не учит своего сына, воспитывает вора.*

Многие фольклорные речения посвящены судьбе человека, избравшего воровское ремесло. Народная мудрость, выраженная через пословицы, считает первый шаг на этом поприще роковым.

Thieves` handsel ever unlucky. – *У воров первый улов всегда несчастливый.*

В сознании англичанина утвердилось, что не только ничтожна надежда на честность вора, но также и на перевоспитание вора:

When (whilst) it thunders, the thief becomes (turns) honest. – *Только когда грянет гром, вор станет честным (“почестнеем”).*

The thief is sorry he is to be hanged, not that he is a thief. - *Вор горюет о том, что его повесят, а не о том, что он вор.*

Скептически оценивается возможность исправления вора в будущем

Give a thief enough rope and he`ll hang himself - *Если вору дать свободу действий, это доведет его до виселицы.*

Вероятно поэтому в английской лингвокультуре выражается крайне жесткое отношение к вору.

Hang a thief when he's young, and he'll no' steal when he's old. – *Повесьте вора в юности, тогда он не будет воровать в старости.*

Это также следствие более непримиримого отношения к воровству. В сознании носителя английского языка закреплены четкие признаки, лимитирующие явление воровства.

It's a sin to steal a pin – грех своровать даже булавку (не следует воровать даже самую малость).

Более того, мелкое воровство не отделяется от крупного:

He that will steal an egg will steal an ox. – Тот, кто украдет яйцо, украдет и быка.

Человек, занимающийся воровством, в английской паремиологии характеризуется абсолютной аморальностью

Save a thief from the gallows and he will cut your throat. – Спаси вора от виселицы, и он перережет тебе горло.

Специфически английской ассоциацией в связи с воровством является тема неотвратимого жестокого наказания (виселицы), что прямо и косвенно подтверждается многочисленными пословицами и функционирующими в современном языке фразеологическими единицами:

*The thief is sorry **he is to be hanged**, not that he is a thief. - Вор горюет о том, что его повесят, а не о том, что он вор.*

*Thieves and rogues have the best luck, if they do but scape **hanging**. – Ворам и мошенникам посчастливится, если они смогут избежать **виселицы**.*

В современном английском языке функционирует идиома, также выражающая закрепленное в сознании носителей языка обязательное наказание за воровство:

*As meet as **rope for a thief**. – очень своевременно, очень кстати.*

В английской культуре можно обнаружить осуждение не только самого действия (воровства), но и бездействия по отношению к нему.

As good steal a horse as stand by and look on. – Украсть лошадь - то же самое, что стоять и смотреть на это.

Но с другой стороны подчеркивается неприемлемость подозрений и навешивания ярлыков.

All are not thieves that dogs bark at. – Не все те воры, на кого собаки лают.

Более того, констатируется, что необоснованным обвинением можно спровоцировать человека на воровство:

Call one a thief and he will steal. – Назовешь кого-либо вором, он и будет воровать. (Ср.: Назови человека свиньей, он и захрюкает).

В корпусе примеров приведены случаи совместного употребления воровства и плутовства (жульничества, мошенничества).

When thieves (rogues) fall out, honest men come by their own. - Когда воры (жулики) в ссоре, у честных людей карманы целы.

Thieves and rogues have the best luck, if they do but scape hanging. – Ворам и мошенникам посчастливится, если они смогут избежать виселицы.

There I caught a knave in a purse-net. - Поймать мошенника можно на бумажник, как на наживку.

В английской фольклорной картине мира закрепилась следующая биполярная структуризация:

Knaves and fools divide the world. - Мир делится на мошенников и дураков.

В продолжение этого делается положительный рациональный вывод:

Better be a fool than a knave. - Лучше быть дураком, чем мошенником.

И в то же время со свойственным англичанам юмором звучит ирония по этому поводу:

If there were no knaves and fools, all the world would be alike - Не было бы мошенников и дураков, мир бы был однообразен.

О свойственном англичанам рационализме свидетельствует следующая поговорка:

I'd rather have a knave than a fool. – Лучше иметь дело с мошенником, чем с дураком.

Также лучше поладить с мошенником, чем стать его жертвой.

Better kiss a knave than be troubled with him. – Лучше поцеловать мошенника, чем иметь от него проблемы.

В английской культуре считается безответственной не только излишняя доверчивость

He that trusts a thief is a fool. - Дурак тот, кто доверяет вору.

но осуждается всякая небрежность, стимулирующая воровство:

Careless hussy makes many thieves. – Небрежная хозяйка - пособница воровству.

Бесспорна необходимость заботы человека о том, чтобы оградить себя от воровства.

The hole calls the thief. – Брешь призывает (=приглашает) вора.

It is easy to rob an orchard when none keeps it. - Легко грабить сад, когда никто за ним не следит.

Здесь следует отметить некоторую аналогию с русской поговоркой:

Плохо не клади – вора в грех не вводи.

В английской лингвокультуре отражено, что мошенничество и честность в обществе противостоят друг другу

Where knavery is in credit, honesty is sure to be a drug. – Там, где мошенничество в чести, честность не пользуется спросом.

При этом констатируется преимущество честности и негативное отношение ко всем мошенникам в принципе

Knavery may serve a turn, but honesty never fails (is best at long run). - Мошенничество может однажды и послужить, но честность никогда не подведет.

As good a knave I know as a knave I know not. - Все мошенники хороши, знаю я их или нет.

Сугубый рационализм и прагматизм англичан приводит к тому, что в поговорках часто дочери, вдовы с детьми, слуги и задняя дверь сравниваются с ворами:

He that marries a widow and three children marries the four thieves. – Тот, кто женится на вдове с тремя детьми, женится на четырех ворах.

Two daughters and a back door are three arrant thieves. – Две дочери и задняя дверь – настоящие вору.

The daughters spend, and the servants filch. - Дочери транжирят, а слуги крадут.

Промедление и друзья ассоциируются в английском национальном сознании с ворами времени.

Procrastination is the thief of time – Промедление крадет время.

Friends are thieves of time – Друзья крадут время.

Сугубая практичность и меркантильность англичанина представлена следующей паремией:

The table robs more than the thief - Стол грабит больше, чем вор.

В английской паремиологии просматриваются некоторые глобальные причины, способствующие развитию воровства. Например, подчеркивается, что война порождает воровство.

War makes thieves, and peace hangs them. - Война рождает воров, а мир их вешает.

В английских паремиях отмечено частое совместное употребление воров и блудниц, как олицетворения порока.

*Too many stairs and back-doors makes **thieves and whores**. – Слишком много ступенек и задняя дверь способствуют ворам и блудницам.*

Еще одна ярко национальная специфика английских паремий, объективирующих данный концепт заключается не только в том, что большое количество паремий о воровстве имеют прямую неодобрительную оценку, заключенную в своем значении - *It`s a sin to still a pin* или *Stealing never enriched*,

но и в том, что в подавляющем большинстве таких пословиц отрицательная оценка формируется на базе образа и выражена имплицитно. Так, в огромном корпусе примеров типа:

*Save a thief from **the gallows** and he will cut your throat*

*Give a thief enough **rope** and he`ll hang himself*

присутствует образ виселицы или веревки, которые и определяет отрицательную оценочность паремии.

Анализ английских паремий, вербализующих исследуемый концепт, позволяет сделать вывод о том, что в сознании англичанина воровство связано с неправильным, недостаточным воспитанием. Отмечается непримиримое отношение к воровству, даже к мелкому, и соответствующее жесткое и негативное отношение к вору. В английском народном сознании четко осмыслено, что за воровство положено неотвратимое жестокое наказание, что подтверждается не только пословицами, но и функционирующими в современном языке идиомами.

Присущее англичанам чувство юмора пронизывает некоторые пословицы о воровстве. Часто свои страхи англичане прячут за самоиронией и гротеском. Длительная и упорная работа на поприще коммерции породила в этнической психологии англичан сдержанность и элементы сухой расчетливости и предприимчивости, вследствие этого они уделяют больше внимания причинно-следственным связям. Пословицы, иллюстрирующие исследуемый концепт, имеют конкретный практический смысл и более похожи на рекомендации, предписания и наставления, выработанные в процессе рациональных философских размышлений. Большинство подобных пословиц обладают отрицательной оценочностью, выражаемой эксплицитно, либо включают в себя слова, несущие

щие негативные ассоциации, некий негативный образ, что привносит однозначно отрицательную коннотацию явлению, осуждаемому в данной культуре. В английском национальном сознании исследуемый концепт имеет ярко выраженные, четкие очертания.

Таким образом, сравнение русских и английских оценочных характеристик концепта «воровство» на материале пословично-поговорного фонда свидетельствует о том, что в значительной мере эти характеристики совпадают, так как представления о воровстве во многом схожи в английской и русской культурах. Воровство является грехом, нарушением основных принципов человеческого поведения, закрепленных в догматах веры и юридических кодексах. Такое значительное сходство обусловлено общими христианскими корнями обеих культур.

Отдельные отличия объясняются национальным способом восприятия и понимания воровства на базе присутствующих в национальном сознании стереотипов, готовых мыслей, схем объяснений, т.е. стереотипов сознания.

Большинство английских пословиц, объективирующих исследуемый концепт либо обладают явной отрицательной оценочностью, либо несут негативные ассоциации, некий негативный образ, что привносит однозначно отрицательную коннотацию данному явлению. В русской паремиологии это не находит яркого выражения.

Английскому сознанию не свойственно позитивное отношение к воровству в принципе. Русские же паремии констатируют соединение и переплетение неприятия и оправдания воровства, считают воровство неизбежным элементом человеческого характера, а само воровство вполне допустимым в определенных обстоятельствах. В ряде случаев своровать – «доблесть».

В результате анализа текстов анекдотов как произведений фольклорного жанра сделан вывод о том, что ловкое воровство и бахвальство им перед представителями других наций присуще русским как важная часть их самоидентификации. Следует заметить, что концепт «воровство» репрезентируется, главным образом, именно в русских анекдотах. Подобные англоязычные анекдоты не обнаружены.

Данные, полученные в результате свободного ассоциативного эксперимента, в основном подтверждают и в некоторых аспектах частично уточняют выявленные ранее характеристики концепта «воровство» в русской и английской лингвокультурах.

В ядре семантического поля ассоциативные реакции англо- и русскоязычных информантов в значительной мере совпадают: в самом центре ядра семантического поля у русских расположены - *плохо* и *тюрьма*, а у англичан, соответственно - *bad* и *wrong*.

Однако уже в ближней периферии заметны определенные различия, которые затрагивают оценочное своеобразие сопоставляемых фрагментов образа мира. Так, например, в английских дефинициях четко выражена идея **преступности** этого явления. Выделен целый блок реакций, ассоциативно связанный с данным признаком:

THEFT – *crime, illegal, law, laws, morals, the one sin, sin, pain, trouble, problems, cannot be stopped, alarm, punishment, isolation.*

STEALING – *crime, illegal, against the law, law, break the rules, knife, security, dog, police*

LARCENY - *crime, illegal, misbehaviour, violence, guns, arson, police, jail, prison.*

В русских реакциях также выражена идея преступности, но она несколько размыта, без четких, определенных границ. Однако только русские широко включают в этот блок элементы и атрибуты действия: *человек бежит, кто-то куда-то лезет, форточка, окно, требует много подготовки, лом, ключи, маска вора.*

Характеристики концепта «воровство» имеют много общего в английском и русском языках и совпадают в ассоциациях, связанных с эмоциями, вызываемых восприятием воровства:

плохо, очень плохо, ужасно, нехорошо, неприятное, безобразие, гадость, не тактично, стыдно, подлость, гнусность, нечистоплотность, свинство, предательство, неправильное действие, противозаконность, что-то отрицательное, грех, ложь, хулиганство, черный (цвет), лужа (грязь) и not good, stupid, negative, not honest, naughty, evil, worst, hate, amoral, dark, nasty, cruel, sad, mad, sickening, scummy, disgusting, ebony, dirt.

Но только русскоязычные информанты перечислили чувства пострадавшей стороны: *ужас, страх, пустота, не хочу, чтобы это со мной случилось.*

Англичане же выделили четкие признаки исследуемого концепта, более похожие на словарные дефиниции или тексты юридических документов:

*taking things without their owners permission;
taking stuff; taking something that`s not yours;
not yours; someone else`s possession,
free / free stuff; gone
robbing from others,
making money; desire to have more
against the law, break the rules
hurting people; cannot be stopped.*

Русскоязычные испытуемые не вербализовали ни одного подобного признака.

Национально-культурное своеобразие импликаций манифестируется посредством следующих русских языковых единиц, определяющих объект воровства:

что-либо, что-то, что ни попадя, все, все подряд, побольше, добро, хлеб, кур, огурцы, лимоны, пальто, цветы, леденцы, яблоки, мелочь, ручку, часы, мобильный, кошелек, барахло, (уперли) холодильник, чемодан, средства, бизнес, государственное имущество, судьбу, мысли, душу, губы, идею, песню, знания, время.

и, соответственно, английских языковых единиц:

expensive items / big and expensive items, gold, car, virginity.

Англичане ассоциативно персонифицируют лиц, занимающихся воровством с представителям других наций: *America, Puerto Rican, a Polish guy.*

Возможно, это объясняется национальной гордостью и чувством английского превосходства. («Английское название «континентальный завтрак» ассоцииру-

ется с неанглийским, не «таким, как надо». Английское, по их мнению, значит лучшее» [Стернин 2003:30].

В русских ответах была единичная аналогичная реакция – *вьетнамец*, воровство в России чаще ассоциируется по гендерному признаку – *мужчина*.

Все, за исключением реакции *interesting*, английские вербализаторы данного концепта характеризуются резко отрицательной коннотацией, в то время как русские ассоциации строятся по шкале от полного неприятия:

убийца, преступник, подлец, подлость, гнусность
до нейтральных: *привычка, мужчина, брат, требует много подготовки, скромно, побольше*
и положительных: *ого, надо, ум*.

В заключении констатируется, что в английском языковом сознании концепт «воровство» четко определен, понятийно детерминирован, регламентирован и систематизирован. Англоязычная специфика понимания воровства состоит в полном его неприятии, в четко выраженной идее преступности этого явления и ассоциативном перенесении его на другие народы вследствие своего «английского превосходства» и исключительного законопослушания (исследователи отмечают, что уважение к закону является источником национальной гордости англичан).

Русские образы сознания, имея обширную зону аналоговых совпадений с английскими, тем не менее, существенно отличаются. В русском языковом сознании концепт «воровство» представлен гораздо шире, нежели в английском и, вследствие этого, имеет менее четкие очертания. Русскому национальному сознанию свойственно двойственное отношение к воровству, однако наблюдается смещение направления в сторону негативной оценки воровства как явления, что связано с изменениями за прошедшее время в российском обществе – ростом числа собственников и увеличением размеров частной собственности, которой стали обладать россияне.

Особенности информационной организации концепта «воровство» в значительной степени предопределены историческими и социально-культурными факторами развития исследуемых этнических сообществ. Долгие века рабства и крепостного права, всеобщего обобществления наложили определенный отпечаток на ментальность русского человека. В английском обществе, существующем на развитой в течение длительного исторического периода частной собственности, неприкосновенность частной собственности закрепились в сознании как базовая ценность, без которой невозможно процветание общества в целом и преуспевание каждого его члена в отдельности.

В русском языковом сознании концепт «воровство» гораздо шире, нежели в английском и, вследствие этого, имеет менее четкие очертания; в английской же культуре он имеет отчетливые, однозначные границы. Это можно отнести за счет регламентированности и системности английского этнокультурного сознания, а также замкнутости, закрытости и сдержанности как неотъемлемых черт этнотипического образа англичанина. Другими словами, в отличие от англичан, русскому этнокультурному сознанию свойственна широта, обусловленная «пространственной составляющей» русской души, неопределенность ограничителей и сдерживающих тенденций, размытость ценностных установок. Это оп-

ределяет наличие ценностных антиномий в сознании русских и полярность аксиологических суждений, что является принципиальным отличием от этнокультурного сознания англичан.

**Основное содержание диссертации
отражено в следующих публикациях автора:**

в издании, рекомендованном ВАК РФ:

1. Кирияк, О.А. Функционирование концепта «воровство» в языковом сознании современных носителей русского языка. Экспериментальное исследование [Текст] / О.А. Кирияк // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2006. – Т. 12 – С. 149-151. (0,5 п.л.)

в других изданиях:

2. Кирияк, О.А. Национально-специфические цветовые предпочтения в русских и английских народных сказках [Текст] / О.А. Кирияк // Человек в информационном пространстве: Межвузовский сборник научных трудов / Редакционная коллегия: проф. Л.Г. Антонова, проф. И.А. Стернин. - Воронеж-Ярославль: Изд-во «Истоки», 2004. - С. 68 – 70 (0,25 п.л.).
3. Кирияк, О.А. Сакральное в русских народных сказках [Текст] / О.А. Кирияк // Язык и культура: Сборник материалов международной конференции «Чтения Ушинского» / Отв. Ред. Н.В. Аниськина. - Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2004. - С.157 – 160 (0,3 п.л.).
4. Кирияк, О.А. Национальная специфика английской и немецкой сказки на примере сюжета о магическом свойстве имени [Текст] / О.А. Кирияк // Человек в информационном пространстве: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3 трудов / Редакционная коллегия: проф. Л.Г. Антонова, проф. И.А. Стернин. – Воронеж-Ярославль: Изд-во «Истоки», 2005. - С. 101 – 105 (0,5 п.л.).
5. Кирияк, О.А. Концепт воровства в английской народной сказке [Текст] / О.А. Кирияк // Культура. Литература. Язык: Сборник материалов международной конференции «Чтения Ушинского» Часть 2. / Отв. ред. Н.В. Аниськина. - Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2005. - С.15 -19 (0,3 п.л.).
6. Кирияк, О.А. Национальная специфика отношения к воровству в английском и русском фольклоре [Текст] / О.А. Кирияк // Человек в информационном пространстве: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 5. / Редакционная коллегия: проф. Л.Г. Антонова, проф. И.А. Стернин. – Ярославль: Изд-во «Истоки», 2006. - С. 31 - 36 (0,5 п.л.).
7. Кирияк, О.А. Социокультурный феномен «воровство»: характеристика и национальная специфика. Москва, Лондон [Текст] / О.А. Кирияк // Культура.

- Литература. Язык: Сборник материалов международной конференции «Чтения Ушинского» Часть 1. / Отв. Ред. Н.В. Аниськина. - Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2006. - С.100 – 104 (0,4 п.л.).
8. Кирияк, О.А. Концепт воровства в английском и русском фольклоре. Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности [Текст] / О.А. Кирияк // Тезисы докладов XV международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г. / Редактор Е.Ф. Тарасов. - Москва - Калуга: ИП Кошелев (Издательство «Эйдос»), 2006. – С. 144 – 146 (0,2 п.л.).
 9. Кирияк, О.А. Анализ концепта «воровство» в русском сказочном фольклоре (на материале сказок о воре из сборника А.Н. Афанасьева) [Текст] / О.А. Кирияк // Риторика и культура речи в современном информационном обществе. Материалы докладов участников XI Международной научно-методической конференции 29-31 января 2007 г. Т I. / Редакционная коллегия: Н.В. Аниськина, Е.Н. Туркина. - Ярославль, 2007. – С. 145-149 (0,6 п.л.).
 10. Кирияк, О.А. Отражение ценностной составляющей концепта «воровство» в английском фольклорном языковом сознании (на материале «воровских» английских народных сказок) [Текст] / О.А. Кирияк // Сборник материалов международной конференции «Чтения Ушинского» 2007. / Отв. Ред. Н.В. Аниськина. - Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2007. – С. 90-97 (0,5 п.л.).
 11. Кирияк, О.А. Ассоциативно-семантическое поле слов, релевантное для концепта «воровство» в современном русском культурно-языковом сознании [Текст] / О.А. Кирияк // Россия в период трансформации: Материалы первой международной научно-практической конференции 29-30 марта 2007 г. / Московское представительство Фонда имени Конрада Аденауэра; Международный университет бизнеса и новых технологий / Отв. ред. В.Н. Дегтеревская. - Ярославль: РИЦ МУБиНТ, 2007. – С. 115-117 (0,25 п.л.).
 12. Кирияк, О.А. Понятийные характеристики концепта «воровство» в русском языке [Текст] / О.А. Кирияк // Сборник материалов международной конференции «Чтения Ушинского» 2008. / Отв. Ред. Н.В. Аниськина. - Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2008. – (0,5 п.л.).
 13. Кирияк, О.А. Параллельные ассоциации некоторых профессий с воровством в русской и английской лингвокультурах [Текст] / О.А. Кирияк // Сборник материалов научной конференции студентов и аспирантов МУБиНТ «Молодая наука – 2008» / Отв. ред. В.Н. Дегтеревская. - Ярославль: МУБиНТ, 2008. – С. 167-169 (0,2 п.л.).
 14. Кирияк, О.А. Сравнение русских и английских оценочных характеристик концепта «воровство» на материале пословично-поговорного фонда [Текст] / О.А. Кирияк // Россия в период трансформации в Европейской перспективе: Материалы второй международной научно-практической конференции 27-28 марта 2008 г. / Московское представительство Фонда имени Конрада Аденауэра; Международный университет бизнеса и новых технологий / Отв. ред. В.Н. Дегтеревская. - Ярославль: МУБиНТ, 2008. – С. 198-199 (0,25 п.л.).

